

ЭЛИТА И ФРОНТИР

Карабущенко П.Л.

Карабущенко Павел Леонидович – доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии.
Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Татищева 20а.
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Стабильность элиты измеряется уровнем качества ее системности. Все элиты пытаются утвердить свою власть путем упрочения своей системы, контролирующей ресурсы, информацию и систему управления. Любое нарушение этой системы создает в её целостном поле «разрывы» («провалы»), которые оказываются ей неподконтрольными зонами. Данную сингулярность можно считать проявлением фронта, поскольку это состояние можно описать посредством данной категории.

Фронт для элиты это всегда стрессовая ситуация, которая может до неузнаваемости изменить ее суть. Исследования элит в зоне фронтальных аномалий является одной из перспективных тем современной элитологической науки. Именно пограничные ситуации позволяют элитам выжить и проявить свои жизненные силы, или погибнуть под грузом своих недостатков и проблем.

Ключевые слова: акмеология, аксиология, бифуркация, пассионарность, синергетика, сингулярность, фронт, элита, элитология

Общественная история показывает, что любое явление или феномен наиболее четко проявляет свои родовые особенности и классификационные признаки, находясь в переломном моменте своего исторического развития, попав в т.н. «пограничную ситуацию». Это правило распространяется и на элиты, которые в условиях фронта испытывают серьезные физические перегрузки и деформацию своей заданной геометрии. Было замечено, что элиты ведут себя совершенно иначе, когда оказываются в пограничной ситуации (в критической точке). Но именно такие кризисные события и проявляют все ее основные «плюсы» и «минусы», являясь своего рода лакмусовой бумагой элитности, катализатором ее доминанции. Элитология (как наука о соотношении элиты [формы] и элитности [содержания]) должна в первую очередь обращать внимание именно на такие «ключевые» моменты, когда элиты оказываются лишенными своего «парадного портрета» (Карабущенко, 2013).

Фронт весьма распространенное явление, которое мы можем встретить в своей повседневности везде, где возникают структурные разрывы в системе. Столь расширенное толкование этого явления

обусловлено тем, что указанные нами разрывы обладают определенной стабильностью и некоторой продолжительностью, что позволяет его рассматривать в качестве отдельно взятой структуры. В связи с этим перед нами стоит *задача* выяснить, как ведет себя элита в условиях фронта, какое воздействие он на неё оказывает, и каким приводит к последствиям. Для этого необходимо выяснить особенности фронта в этике, гносеологии, культуре, психологии и политике. Каждая из этих внутренних особенностей фронта делает его уникальным и непохожим один на другой. Исходя из этого, в качестве *объекта* настоящего исследования мы определяем элиты, а в качестве *предмета* – её состояние и поведение в условиях фронта.

Методологическую и теоретическую основу данной работы составляет конфликтологический подход, согласно которому элиты играют определяющую роль в процессе установления исторической и геополитической доминации. Наряду с этим в работе применялись методы диалектики и герменевтики, сравнительного и структурно-функционального анализа, используются принципы персонализма, аксиологии, акмеологии и исторической элитологии. Настоящее исследование опирается на труды таких известных ученых, как Платон, Н. Макиавелли, А.Д. Тойнби, О.А.Г. Шпенглер, Л.Н. Гумилев, Г.К. Ашин, Р. Дарендорф и др. Помимо этого, автором используются теоретические выводы классических теорий элит начала XX в. (Mosca G. Pareto V., Michels R.) и неклассических теорий элит середины и второй половины XX столетия (N.A. Verdyayev, J. Ortega y Gasset, K. Mannheim, Ch. Lasch).

В дальнейшем мы будем рассматривать фронт как феноменологическое явление, характеризующее разрыв между системами и провалом структуры внутри самих систем. Возникающая на этом «разломе» сингулярность становится главным признаком, характеризующим фронт как состояние моральной нестабильности, политического хаоса и анархического уклада общественного бытия. Как сингулярность, фронт представляет собой пространственно-временное искривление общественных и культурных законов, которые там просто перестают действовать; это есть физическая граница применения существующих правил (в частности, законов государства), до неузнаваемости искажающие нормы морали; это есть особое состояние свободы, становящейся анархией, когда каждый сам за себя.

В целом, фронт – это пространство сингулярного времени, перспективой которого является бифуркация, как снятие цивилизационного напряжения. Локально фронт может возникнуть в любое время в любом месте, как некий провал в системе. Разрыв схем внутри системы приводит к возникновению ситуации, в которой нет месту

прежнему порядку и контроль за которой утрачивается всеми заинтересованными сторонами. Фронтир рождает неконтролируемую панионарность, всплески которой несут определенную угрозу классической культуре и цивилизации (Гумилев, 1993). В расширенном значении фронтир есть устойчивое состояние конца и начала двух или более систем, вынужденных находить способы взаимодействия на этой своей периферии, при минимуме возможностей и при максимуме сложностей. Поэтому фронтир – это, прежде всего, всегда конфликтная зона. Именно поэтому все законы конфликтологии распространяются на его правила существования.

Элитология фронта. Для элитологии представляется особенно интересным изучение элит, оказавшихся именно в зоне таких системных провалов. Как известно, элитология – это наука об элите и элитности (Карабущенко, 2013, стр. 570-572). Феномен элиты всегда определяется через соотношения ее формы (элиты, как статуса) и содержания (элитности, как личного достоинства) включенных в непрерывный процесс развития (элитизации), *Элита есть великое в малом: это лучшее по качеству, большее по возможностям, но малое по количеству (составу) активная доминация, детерминирующая свое время и облагораживающее подконтрольное ей пространство.*

С точки зрения элитологии, фронтир есть неконтролируемое никем (ни элитой, ни наукой об элите и элитности) состояние событий и идей, в котором нарушаются все известные науке законы и создаются еще неизвестные элитам правила поведения будущего. Это своего рода «творческая лаборатория» истории. Поэтому фронтир для нас это и пограничная историческая эпоха, и пограничная политическая ситуация, и пограничное психолого-культурное пространство и время, когда элиты оказываются по ту сторону своей сущности.

С *этической* точки зрения, фронтир - это граница культурного и бескультурного поведения субъектов элиты, когда он занимает элитарный статус, но всё ещё остаётся носителем массовых ценностей и психологии толпы. Глумление над нравственностью, что мы наблюдаем в некоторых поступках сильных мира сего, было описано еще Н. Макиавелли как родовое проклятие политики. Такое поведение выводит политика за рамки человечества, делает его «белокурой бестией», аморальным существом, обладающего сверхвозможностями повелевать и миловать, карать и награждать.

С *гносеологической* точки зрения фронтир это граница между освоенным и не освоенным знанием, утвердившимися или отвергнутыми истинами. Речь идет о некоей зоне неустойчивой достоверности. Мир, где происходят все научные открытия (где, как утверждал И. Фихте, «не-Я»

становится «Я»). Именно в эту зону попадает (но уже по иным основаниям) и профессиональные знания действующих политиков, которые оказываются между двух крайностей – невежеством и мудростью. Сократовский тезис «я знаю, что ничего не знаю, но некоторые не знают даже и этого» выражает собой гносеологический фронтир между миром знаний и миром непознанного. Поэтому любое ученичество есть продвижение нашего познания в мир незнания, освоение гносеологического фронта с максимальным применением всех своих творческих способностей.

С точки зрения *культуры*, фронтир представляет собой границу варварства и цивилизации, где каждая из воюющих сторон пытается поставить свои маркеры на ценности, события, людей и идеи. Для цивилизации фронтир – это, прежде всего, кризис той части ее системы ценностей, которая оказывается на периферии отношения с новым варварством. Причем это «новое варварство» может быть как реальным фактом социокультурного бытия, так и вымышленной виртуальностью новейшей политической мифологии. Само выражение «новое средневековье» (Н.А. Бердяев) характеризуется как «восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет), как господство новой политической мифологии-идеологии (К. Мангейм).

С точки зрения *психологии*, фронтир это психологическая дистанция, которая образует собой некий разрыв, некую дисгармонию, неустойчивость в поведении человека. Сами условия фронта заставляют попавших сюда субъектов в целях выживания вести себя активно и даже агрессивно. Культ силы и насилия становится главным мотивом поведения.

Фронтир в *политике* – это разрушение всех правовых норм, возникновение феномена «дикого поля», где каждый пишет свои правила игры, исходя из собственных сил и возможностей. Элитарный frontier представляет собой некий «зазор» между освоенными и неосвоенными ресурсами власти конкретно правящей группы. Проявление фронта в политике угадывается также в таких явлениях, как охлократия, партизанщина, махновщина... Фронтир – это всегда нестабильность, это всегда конфликт. Распад политической и социальной систем приводит общество и власть в состояние смуты (революции), когда все оказываются в состоянии размытых границ, все оказываются между этими границами, которые перестают быть непреодолимым препятствием. Такой плюрализм равнозначен хаосу, поскольку он рождает анархию.

Человек фронта постоянно оказывается у края пропасти и постоянно вынужден бороться за свою жизнь и свои права. Поскольку на фронтире наблюдается четкое отсутствие государства, состояние

возвращается к описанному Т. Гоббсом первобытному бытию, когда шла война всех против всех (Гоббс, 1991, стр. 95-96). Пребывание «у края» рождает неустойчивую деструктивную психологию, постоянно тлеющего бунта. Фронтир в этом плане есть «у-краина» – ничейная территория, с ничейными людьми, ничейными (в плане организации и контроля) событиями, и ничейными (т.е. сомнительными) итогами (победами и поражениями).

Фронтир есть зона отчуждения государства, экономики и культуры. Область создание новых политических и хозяйственных ценностей. Каждый фронтир представляет собой уникальную совокупность географических, культурно-исторических и психолого-политических аномалий. Освоение нового пространства всегда приводило к столкновению этносов, претендовавших на исключительность владения в данном регионе. Но столкновение так же происходили и на уровне мировоззрений, культур и религий. Это неоформленное пространство – поле деятельности для сильных личностей, которые выдавливают отсюда слабые натуры обратно под защиту государства. Это пространство, где пассионарность достигает наивысшей точки своего кипения. Поэтому для некоторых пассионарных натур фронтир есть обязательное условие их эффективного существования.

Элита фронта. На фронтире с элитой случаются невероятные истории, самые настоящие чудеса, происходят удивительные метаморфозы. В элитологии фронтир элит – эта та область, где не работает ни один известный ныне закон науки об элите и элитности, где правила переписываются или заново пишутся самими элитами уже по ходу непосредственного их развития. Элита на фронтире – это система, вышедшая за горизонт своего планирования. Усиление сингулярности приводит к тому, что все прежние схемы поведения оказываются не рабочими и элита вынуждена в экстренном порядке придумывать и применять на практике новые правила игры.

В попавших на фронтир элитах чаще всего наблюдается рост деструктивного напряжения, отмечается потеря концентрации воли, сил и ресурсов; констатируется отход от креативности и общая хаотизация их основных идей и действий. На фронтир региональная элита попадает или в результате служебной необходимости (обеспечение сохранности границ), или в результате развала общей системы, когда отдельные ее элементы ищут в этой «нейтральной зоне» спасение от постигшего их в центре, коллапса. На фронтире происходит частичная фрагментация старой элиты с целью коррекции ее формата или создание на ее базе новых элитных формирований. Политическая история знает не мало случаев, когда возникшие на фронтире новые элиты отправлялись на завоевания

находящихся по соседству государств и успешно их покоряли. Тогда «изгои» становились новыми «законными правителями», создавшие свои новые системы властных отношений.

С точки зрения *физики элиты* – это состояние ее неопределенности, содержащий лишь возможность, но не сам факт потенциальности её бытия. В состоянии сингулярности элиты не контролируют события, а следуют их общему потоку. Поэтому элиты фронта всегда отличаются своей селекционной агрессивностью, структурной нестабильностью, профессиональной непредсказуемостью и генезисной незавершенностью. У таких элит обнаруживается повышенная убыль рядов, в результате предпочтения ими силовых способов решения конфликтных ситуаций. В целом – это элиты конфликта, доминации войны, а не мира.

Поэтому мы склонны рассматривать политический *frontier* как зону свободного освоения пространства, при котором прежнее начальство теряет свои ресурсы и полномочия, и власть оказывается в руках неформальных лидеров («халифов на час») и разного рода иных маргинальных пассионариев. Фронт элиты это время освоения ею свободы, путем присвоения себя авторитета и новых властных полномочий. Это есть время в селекции элит, когда происходит освоение новых идей, еще не имеющих аксиологической ценности и политического значения.

Исторический *frontier* предельно жестко требует от элит немедленного решения вызова своей эпохи (Toynbee, 1987). И как следствие этого, мы видим усиление роли элитологии, в процессе принятия элитами и их лидерами подобных ответственных решений (Ашин, 2010). Но чаще всего сами старые элиты не справляются с этими историческими вызовами, и тогда им на смену приходит новое поколение творческого меньшинства, которое выступает со своей собственной инициативой, своей программой действия и своим проектом решения кризисной ситуации (Toynbee, 1987; Тойнби, 2001).

Элита, стоящая на фронтире, решает важный вопрос своей эпохи – она определяет место и время прохождения точки бифуркации и устанавливает вектор своего дальнейшего движения. В политической истории России было несколько таких бифуркационных точек – 862, 988, 1242, 1380, 1612, 1730, 1801, 1861, 1917, 1991 гг. И каждый раз элитам приходилось выбирать и давать ответ на вызов своего времени. Как правило это время серьезных потрясений, поднимающих муть брожения своей эпохи. Во время Смуты (революции) возникает целая система политических, этических, гносеологических, культурных и иных фронтиров, Смута превращает во фронтир семью и отдельно взятую личность, фрагментируя ее как культурную единицу цивилизации.

В начале XXI в. реальная политика все чаще сталкивается с сингулярностью современной эпохи. Политические лидеры ведущих стран понимают, что мировая экономика находится на распутье, когда одно неправильное решение может обвалить всю существующую финансово-экономическую и социально-политическую систему. Об этом в частности говорил премьер-министр Японии Синдзо Або на встрече лидеров G7 в мае 2016 г. в префектуре Миэ на острове Хонсю. «Если будут приняты неправильные меры (по стабилизации экономики), мы можем столкнуться с кризисом, масштабы которого выходят за рамки обычных экономических циклов» (Саммит G7, 2016). Он, правда, не уточнил какое решение будет считаться правильным (видимо, этого никто из лидеров G7 не знает), но ощущает приближение точки бифуркации, что заставляет таких политиков как он, уже заранее искать возможные пути отхода, обхода и выхода из этой грядущей исторической неприятности.

Фронтир в элите. Фронтир в элитах может быть нескольких видов: 1) *исторический*, когда элиты определяют вектор исторического развития своего государства и нации; 2) *селекционный*, когда субъект элиты стремятся отделиться от масс и массовой культуры; 3) *аксиологический*, когда элита пытается определить свой цивилизационный код и выявить новые перспективные ценности (стандарты). Катастрофическим является соединение всех этих вышеназванных видов фронта в единую систему. Такая система оставляет элитам мало шансов на выживание. Справиться с одним из вызовов элиты еще могут, но когда они выстраиваются в систему, наступает кризис, чаще всего заканчивающийся войнами и революциями.

Фронтир в элите представляет собой зону отчуждения интересов элит от интересов всего остального общества. Элитарный фронт – это еще и барьер между массами и элитами, когда последние закрываются от первых, а те в свою очередь лишаются доступа к высшим культурным ценностям.

Политический крах и катастрофы порождают фронтир внутри разрушающихся систем. В эти системные «провалы» первыми проваливаются элиты, оказываясь между Сциллой и Харибдой политической Истории. Политика безжалостно расправляется с теми элитами, которые проигрывают борьбу за Историю, вследствие своего раскола.

Раскол в элите грозит возникновением в нем внутреннего фронта. Расколота элита – зона турбулентного кризиса. Кризис элит – это нарастание в ней деструктивных сил, приводящих их к состоянию сингулярности. Раскол элиты означает появление в ней еще одного фронта, свидетельствующего об отсутствии среди её членов консенсуса.

Слабая элита сама создает «черную дыру» неконтролируемого ею пространства, из которой вырастают и вырываются наружу все социально-политические конфликты. Внутриэлитный фронтير признак кризиса, в котором оказались власти в результате распада политической системы. Такой раскол элит случился в недавнем прошлом с советской правящей элитой, когда возникло отчуждение власти и общества, лидеров и элиты, целей и средств их достижения.

Фронтир в элите – это зона неопределенности, когда субъекты элиты не в состоянии найти адекватного ответа на вызов своего исторического времени. В таких элитных сообществах нарастает эклектизм и деструктивный плюрализм мнений. Такие элиты сами создают себе неприятности, и выражаясь языком В.И. Ленина, активно участвуя в формировании «революционной ситуации».

Разрыв в системе приводит к разрушению не только внутренних связей, что чревато социальными потрясениями, но и меняет программу развития. Последнее видно на примере политической истории России начала XX в., когда культурное и научное развитие страны превосходило стремительно деградирующую социально-политическую сферу (Karabushenko, 2015, 5, pp. 529-535). Нечто подобное мы наблюдаем и в политической истории России начала XXI столетия, когда требование к науке со стороны власти оказываются в разы завышено относительно тех средств, которые государство само выделяет на ее развитие. (Karabushenko, 2015, 4, pp. 696-702).

Проблема фронта в политической истории элит. Жизнь на фронтире есть упрощение системы, которая обновляется посредством этого упрощения, для того, чтобы обрести новую сложность, выгодной уже для новой элитной группы. На фронтире никогда скучно не бывает, потому что там нет покоя. Фронтир – это всегда динамика, поскольку покой на фронтире смерти подобен. Выживает лишь только тот, кто активно двигается. *Фронтир любит смелость. Фронтир ценит свободу. Фронтир уважает силу.* Смелые и сильные там и добывают себе свободу и славу. Однако, хроники «дикого поля» оказываются вне поля зрения официальной летописи. Поэтому не все герои фронта становятся героями системы. Фронтир приютил тех, кто расходился с идеями сильных мира сего и кого эти сильные изгнали из своей системы как опасный для нее элемент.

Фронтир притягивает к себе свободных радикалов, которые здесь образуют свою политическую субкультуру. Как периферия центробежных сил, эта зона аккумулирует всю рассеянную мощь протестного движения, позволяя бывшим оппозиционерам если не быть, то хотя бы почувствовать себя новыми лидерами. Как зона отчуждения политической власти,

фронт на своих знамёнах пишет анархические лозунги, прославляя хаос права всех на всё и неограниченную государством свободу. И даже если открыто никто не признает себя анархистом, все всё равно ведут себя как записные анархисты (Карабущенко, 2014, стр. 152-163).

Для элиты выход во фронт означает уход с исторической арены, уход в небытие. Так было с царской элитой России после 1917 г. и с коммунистической элитой 1991 г. «Сошедшие с дистанции» теряются в историческом времени, выпадают из обоймы активно действующих политиков. Сами системные элиты весьма часто отрицают сам факт существования элит фронтного типа, которые наносят ощутимый репутационный вред самой идеи политической избранности. Они их обычно объявляют вне закона, характеризуя их криминальными, ненормативными, несистемными и деструктивными формированиями.

Временно возникшие фронтиры способны влиять (и влиять весьма серьезно) на государства, оказывая на них военно-политическое давление. Так было и с восстанием Степана Разина, и с бунтом Емельяна Пугачева. Центральная власть на какое-то время утрачивала контроль над этими окраинами, которые превращались (пусть и на короткое время) в самостоятельно функционирующее пространство. Политическая история таких зон имеет куда более интенсивный ход и кровавый характер. Это фактически зона прогнозируемой смерти, ибо ситуация бунта (смуты) узаконивает убийство, делая его рутинным и обыденным актом политической воли.

Особо следует отметить о появлении в геополитике т.н. «черных дыр» – территорий, где политика вообще утрачивает какую-либо силу и значение, и где возобладают догосударственные механизмы общения. В настоящее время «геополитическими черными дырами» стали такие бывшие страны, как Афганистан, Ирак, Ливия, Сомали... Центробежные силы фактически разорвали их на автономные части, а их квазиэлиты практически утратили над ними контроль. Выгоду из этой ситуации извлекают те мелкие группы пассионариев, которые заняты формированием новых смысловых элит и поиском нового общенационального лидера. Геополитические «черные дыры» могут существовать на протяжении длительного времени, постоянно выбрасывая заряды своей деструктивной энергии в виде потока беженцев, наркотрафика, религиозного экстремизма, террористической угрозы и т.д.

* * *

Современный мир представляет собой цивилизационный фронт, время смены аксиологических величин, конец детерминации «восстания масс» (Ortega, 1975) и начало доминации «восстания элит» (Lasch, 1995).

Трансформация всегда означает наличие некой переходной стадии, совмещающей в себе разные элементы двух сочетающихся систем. Борьба «старого» и «нового» порождает зону неопределенности, полную сингулярности и двойных смыслов. Это время борьбы двух и более доминант за стратегический детерминизм.

Россия тоже представляет собой культурный и цивилизационный фронт, находясь на стыке европейских и азиатских ценностей. Дар пространства – тяжелый дар, которым история сполна наградила Россию. Этот дар и ее счастье, и ее проклятье. Поэтому культурно-цивилизационный фронт возникает по всему периметру российских границ, там, где она соприкасается с другими культурами, и где сталкивается с иными геополитическими интересами. Фронт здесь представляет собой зону культурно-психологического отчуждения, вызванную разностью национальных традиций, историй и политий. Всё это позволяет утверждать, что фронт для России – это вечная тема, постоянно возникающая проблема, решение которой состоит не только в наращивании своей военной и экономической мощи, но и в установлении приемлемых диалоговых культурных и межконфессиональных связей.

Библиографический список:

1. Dahrendorf, R. (1965). *Elemente ernes Theorie des sozialen Konflikts*. (in ed. Gesellschaft und Freiheit). München.
2. Dahrendorf, R. (2003). *Über Grenzen: Lebenserinnerungen*. München: Beck, 2003.
3. Karabushchenko, P.L. (2013). Meritocracy as a synthesis of elite education and post-industrialism. *European Applied Sciences*, 1, pp. 232-235.
4. Karabushenko, P.L. (2015, July) The Russian Empire of the Wane Period: Learned Elites and Authority. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 4, pp. 696-702.
5. Karabushenko, P.L. (2015, September) Russian Learned Elite to Search New Development Purport. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5, pp. 529-535.
6. Lasch, Ch. (1995). *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. W. W. Norton & Company. New York - London.
7. Mannheim, K. (1953). *Mannheim. Essays on sociology and social psychology*. L.
8. Ortega y Gasset, J. (1975). *La rebellion de las masas*. Madrid: Ediciones de la Revista de Occidente.
9. Spengler, O.A.G. (1918). *Der Untergang des Abendlandes*. Wien: Braumüller.

10. Spengler, O.A.G. (1922). *Der Untergang des Abendlandes*. München: C. H. Beck
11. Toynbee, A.J. (1987). *A Study of History: Volume I: Abridgement of*. Oxford University Press.
12. Ашин, Г.К. (2010). *Элитология: история, теория, современность: монография*. М.: МГИМО (У).
13. Бердяев, Н.А. (1994). *Смысл творчества*. (изд. Философия творчества, культуры, искусства в 2-х Т.1). М.: Искусство.
14. Гоббс, Т. (1991). *Левиафан* (изд. Сочинения в 2-х тт. Т.2). М.: «Мысль».
15. Гумилев, Л.Н. (1993). *Этносфера: История людей и история природы*. М.: Экопрос.
16. Карабущенко, П.Л. (2013). Элитология. В П.Л. Карабущенко (ред.), *Элитология: Энциклопедический словарь*. М.: «Экон-информ».
17. Карабущенко, П.Л. (2014). Элита и анархия. *Вопросы элитологии: философия, культура, политика*, Т.11, стр. 152-163.
18. Саммит G7, (2016). Саммит G7 в Японии начался с предупреждения об угрозе кризиса масштабов 2008 года. Источник: <http://www.newsru.com/world/26may2016/g7abecrisis.html>
19. Тойнби, А.Дж. (2001). *Постижение истории: Сборник*. М.: Рольф.
20. Шпенглер, О. (1993). *Закат Европы*. М.: «Наука».

ELITE AND FRONTIER

Karabushenko P.L.

Karabushenko Paul Leonidovich, doctor of Philosophy, professor.
Astrakhan state university. 414056, Astrakhan, Tatischev 20a.
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Stability of elite is measured by level of the quality of its consistency. All elites try to posit their authority via strengthening of the ruling system, which controls sources and information. Any violation of the norms of this system creates “splits” (“failures”) in its whole area beyond the control zones. The given singularity can be considered a manifestation of frontier, as the situation can be described by means of this category. For the elite groups the frontier is always a stressful situation able to cardinaly change their very essence. The reaserach of elites within the zone of stressful anomalies is one of perspective subjects of modern elitological studies. It is various frontier situations that allow elites to survive and reveal their vital forces or be lost under the weight of disadvantages and problems.

Key words: acmeology, axiology, bifurcation, passionarity, synergetics, singularity, frontier, elite, elitology

References:

1. Dahrendorf, R. (1965). *Elemente einer Theorie des sozialen Konflikts*. (in ed. Gesellschaft und Freiheit). München.
2. Dahrendorf, R. (2003). *Über Grenzen: Lebenserinnerungen*. München: Beck, 2003.
3. Karabushchenko, P.L. (2013). Meritocracy as a synthesis of elite education and post-industrialism. *European Applied Sciences*, 1, pp. 232-235.
4. Karabushchenko, P.L. (2015, July) The Russian Empire of the Wane Period: Learned Elites and Authority. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 4, pp. 696-702.
5. Karabushchenko, P.L. (2015, September) Russian Learned Elite to Search New Development Purport. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5, pp. 529-535.
6. Lasch, Ch. (1995). *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. W. W. Norton & Company. New York - London.
7. Mannheim, K. (1953). *Mannheim. Essays on sociology and social psychology*. L.
8. Ortega y Gasset, J. (1975). *La rebellion de las masas*. Madrid: Ediciones de la Revista de Occidente.
9. Spengler, O.A.G. (1918). *Der Untergang des Abendlandes*. Wien: Braumüller.
10. Spengler, O.A.G. (1922). *Der Untergang des Abendlandes*. München: C. H. Beck
11. Toynbee, A.J. (1987). *A Study of History: Volume I: Abridgement of*. Oxford University Press.
12. Ashin, G.K. (2010). *Elitologii: History, Theory, Modernity: a monography*. M.: MSIIR (University).
13. Berdyaev, N.A. (1994). *The meaning of creativity*. (Ed. The philosophy of creativity, culture and art in 2 V.1). M.: Art.
14. Hobbes, T. (1991). *Leviathan* (ed. Works in 2 vols. V.2). M.: «Idea».
15. Gumilev, L.N. (1993). *Ethnosphere: The history of people and the history of nature*. M.: Ekopros.
16. Karabushchenko, P.L. (2013). *Elitology*. In PL Karabushchenko (eds.), *Elitology: Collegiate Dictionary*. M.: «Eco-Inform».
17. Karabushchenko, P.L. (2014). Elite and anarchy. *Questions elitology: philosophy, culture, politics*, T.11, pp. 152-163..

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

18. Summit G7, (2016). G7 Summit in Japan began with a warning about the threat of the scale of the 2008 crisis. Retrieved from: <http://www.newsru.com/world/26may2016/g7abecrisis.html>
19. Toynbee, A.J. (2001). *Study of History: Collection*. М.: Rolf.
20. Spengler, O. (1993). *Decline of the West*. М: «Science».